

Борис Алексеев

Красная ойкумена

Борис Алексеев

Красная ойкумена

«Издательские решения»

Алексеев Б.

Красная ойкумена / Б. Алексеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960577-1

«Красная ойкумена» — книга о трагических событиях октября 1993 г. О том, как в самом центре Москвы ранним осенним утром режим Ельцина расстрелял без суда и следствия тысячи российских граждан. Книга «хороша» тем, что в ней нет ни капли литературной выдумки. Она представляет собой горестные заметки непосредственного очевидца высочайшего духовного события четвертьвековой давности. Придёт время, и россиянам откроется истинный смысл произошедшего. А павших героев назовут поимённо.

ISBN 978-5-44-960577-1

© Алексеев Б.

© Издательские решения

Содержание

1993 год, октябрь, Белый дом, кровь...	6
Часть 1. Указ	6
Часть 2. Московская «Парижка»	8
Часть 3. Игры в революцию закончились	10
Часть 4. Ночь перед безумием	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Красная ойкумена

Борис Алексеев

© Борис Алексеев, 2019

ISBN 978-5-4496-0577-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1993 год, октябрь, Белый дом, кровь...

Часть 1. Указ

– Да что т-ты!.. – я откинул в сторону альбом древнерусской живописи и бросился к плите спасать убегающий бразильский кофе.

Через минуту, выдохнув житейскую скорбь, я слил из турки остатки душистого великолепия, вытер плиту и оглянулся на брошенную книгу. Древнерусские иконы, «порубленные» на тонкие листы гознаковской бумаги, торчали неряшливым веером из распахнутого корешка. Мне стало совестно.

Как так? Капля чёрного импортного тоника оказалась, пусть на мгновение, ценнее шедевра великого Дионисия! Ведь именно его икону я рассматривал и в ужасе отбросил, глядя на выкипающий кофе!

«Тут есть о чём подумать» – я присел на подлокотник семейного дивана и принялся размышлять. На этот раз мои мысли бежали далеко впереди знаменитого бразильского «черноризца».

То, что произошло в октябре 1993-го года в центре российской цивилизации, невозможно объяснить иначе как системным сбоем, сбоем бессмысленным и беспощадным. Дивные золотые октябрьские дни стали свидетелями падения самого главного, из чего состоит наш русский (дурацкий, пьяный, святой) обиход. А состоит он, как и триста лет назад, из человеколюбия и жертвенной снисходительности к слабому.

С прискорбием следует заметить: когда в самом центре Москвы под ногами защитников Белого дома от пуль и пороховых разрядов разверзся асфальт, прочие россияне на это просто не обратили внимания. Они не заметили, что одновременно с двориком Белого дома дрогнула вся русская цивилизация. Москвичи в то утро торопились на работу. Они слишком спешили, чтобы разглядеть на своей одежде мельчайшие капельки крови, брызнувшие из образовавшегося разлома.

Что ж, мы привыкли: кровь Родины в мирное время прозрачна. Она густеет и окрашивается в алую иконописную киноварь только в дни великих испытаний. А тут-то что? Ну, погорячились, постреляли друг друга, и ладно.

И ладно?..

Я приготовился писать икону, когда в мастерскую вбежал Шура, милый добрый товарищ, и, оглядываясь по сторонам, сообщил страшную новость:

– Революция!

Революция?.. Ну какая может быть в России революция? Мы по уши увязли в развитом социализме, и нам вот-вот должно стать ещё лучше. Кто увольняется с работы за день до квартальной премии!

– Шура, может, ты выпить хочешь?

– Борь, я серьёзно. В стране раскол! Ельцин отморозил указ №1400, мол, на фиг нужен этот Верховный Совет! Хазбулатов забаррикадировался в Белом доме и послал Ельцина на три буквы! Сейчас многие идут туда. Пойдём, а?

– Ну уж нет! – улыбнулся я. – Иконописание вне политики, ты же знаешь.

– Пойдём, а?..

Мы подошли к Белому дому со стороны Горбатого моста. Нас встретила революционная суэта, напоминающая встревоженный, но разумный улей. Люди что-то сосредоточенно несли, складывали, уходили и снова возвращались. Так, наверное, в 1871 году под звуки «Марсельезы» строили свои нехитрые баррикады парижские коммунары. Ни сопливых пепси, ни почитателей «Клинского» я не увидел. Сосредоточенная конструктивная работа и сдержанный, возвышенный настрой духа.

Чтобы подогреть интерес читателя к повествованию, которое никак не выберется из бытовых подробностей, скажу: многие пишут о событиях 1993-го года. Например, почасовое документальное свидетельство о последних страшных днях революции, записанное А. В. Островским в книге «1993. Расстрел Белого дома».

У меня же задача другая. Я являюсь одним из немногих избранных судьбы, кто четвёртого октября не заплатил жизнью за увлекательное десятидневное «путешествие в революцию». В то время, как абсолютное большинство моих собратьев по «интеллектуальной прогулке в будущее» было зверски убито, а их тела исковерканы армейскими бронемашинами.

Как отрок Эфесский*, я «просыпаюсь» на короткое время, чтобы оставить российскому читателю воспоминания очевидца и участника гнуснейшего и героического перелома в отечественной истории. Перелома, после которого в нашей стране (стране «победившей демократии») стрелять в человека стало обычным заштатным делом. Моя задача – не хронологический рассказ о поступках главных персонажей этих страшных дней, а живое человеческое свидетельство. Воспоминания о людях, которые могли бы сейчас гулять с внуками по золотистым аллеям московских парков и рассказывать им мудрые сказки. Увы – ни рассказчиков, ни внуков.

Часть 2. Московская «Парижка»

Две недели продолжалось героическое стояние безоружного российского народа перед вооружённой до зубов государственной властью. На две недели дух Парижской коммуны прописался в центре российской столицы у метро «Баррикадная»...

Люди, уязвлённые ельцинским указом №1400, спешили к Белому дому, ставшему оплотом и символом сопротивления. Как бы ни высмеивали те дни нынешние и будущие царёвы спичрайтеры, скажу как участник и очевидец случившегося: на импровизированных баррикадах вокруг Белого дома собрались не оголтелые бузотёры и крикуны, а нормальная (классическая!) московская разночинная интеллигенция. Воители умственного труда, «вооружённые» старомодными кожаными и дерматиновыми портфелями, пришли защитить попорченную указом верховного сатрапа власть советов, свою привычную человеческую демократию. Здесь не было торговцев, маклеров, брокеров, банкиров. Им советская власть не нужна. Не подвозилась грузовиками, как 1991-м, шальная кока-кола.

Я исподволь наблюдал за «баррикадной профессурой». Не скрою, меня интересовало фронтовое содержимое их заветных саквояжей. Ответствую – ни оружия, ни коньяка в плоских фляжках. Только книги, женины бутерброды и термосы с горячим чаем.

Запомнилось молодежное многолюдие.

Молодёжь особенная, рискованная и сдержанная одновременно. Приведу пример. В центре двора, примыкающего к Белому дому, студенты из Приднестровья разбили большую палатку. Над палаткой на импровизированном флагштоке развевался, как бы сейчас сказали, баннер с надписью: «ГРУППА РАЗРАБОТКИ ТЕОРИИ СЧАСТЛИВОГО ОБЩЕСТВА». Этот текст я помню дословно. Вот такие романтики десять дней обживали мятежный двор в центре Москвы. Увы, земля под палаткой оказалась платной, а плата – очень дорогой...

Первая ночь на баррикадах – улётная романтика!.. Сотни людей жгут костры, поют песни, смотрят на крупные сентябрьские звёзды и, конечно, спорят, спорят. Спорят о жертве для достижения общего блага, о мужестве сознательном и случайном...

И я спорю, не представляя, какое человеческое мужество увижу всего через десять дней, и как будет стонать моё сердце, «фотографируя» посекундно массовое жертвоприношение во имя... «Во имя» – самое трудное место в тексте воспоминаний. Перед напором памяти любая оправдательная логика «припадает к земле», как сбитый из рогатки кукурузник, выжигая плодородный слой на месте падения.

Баррикады...

Самодельные заградительные редуты представляли собой в основном фрагменты городского хлама с ближайших помоек. Перевязанные проволокой старые двери и разбитые оконные блоки, скрученные пружинами от старых кроватей секции дорожных турникетов, какие-то доски и парковые скамейки... Всё, что можно было выдернуть и унести, шло как материал для строительства «непреодолимых» препятствий в будущих сражениях с городским ОМО-Ном (так, по крайней мере, думали предприимчивые строители баррикад).

...Очередная осадная ночь. Во дворе Белого дома идёт непрерывный митинг. На балконе, превращённом в импровизированную трибуну, один за другим подходят к микрофону депутаты Верховного Совета и какие-то люди в военной форме. Все что-то кричат, грозят Ельцину то автоматом Калашникова, то просто кулаком. Под балконом внизу стоит сосредоточенная толпа людей. Они не вслушиваются в речи говорящих, просто стоят, о чём-то думают и через некоторое время расходятся по баррикадам. Их место занимают другие. Те, другие

тоже недолго внимают микрофонной трескотне и тоже расходятся на свои боевые дежурства, размышляя о чём-то более важном, чем воинственные речи депутатов и старших офицеров.

Настоящие разговоры вспыхивают именно на баррикадах. Кто знал, что через несколько дней этот ошетилившийся самострой рухнет поплывёт, тая в горячем море человеческой крови? Его «архитектурные» фрагменты, раздавленные гусеницами БТРов, унесёт прочь безжалостный ветер истории... Но сейчас сладкий привкус великой картины Делакруа «Свобода на баррикадах» и ароматный женин чаёк из термоса очень располагали к умному и деликатному единомыслию с собеседником.

Добровольческий полк защитников Белого дома, как древний полк Игоря Святославича, наверное, не имел ни единого шанса победить, но в его сопротивлении (российское будущее это наверняка подтвердит) и заключалась его Победа! Жертва «Игоря со товарищи» оказалась предтечей освободительного Куликова сражения. Как повлияют события 1993-го года на ход русской истории, мы с вами знать не можем. Это откроется другим, позже.

Я набираю в Яндексe «полк Игоря, картинки» и получаю... восемнадцать тысяч изображений! Тут и репродукции живописных картин сражения, и русские иконы, и десантура Псковской дивизии, и рязанские штурмовики, и русская Ярославна, оплакивающая мёртвого военкома-мужа... Пробирает!..

...Шли, вернее, тянулись дни осадного положения «Хазбулатова войска». Я умышленно поставил кавычки, потому что все начальники Белого дома: и Руслан Имранович, и усатый генерал Руцкой, и все прочие генерал-депутаты – производили, мягко говоря, удручающее впечатление на собравшееся ополчение. Среди выступавших у микрофона мне запомнился один плачущий генерал. Он говорил в толпу буквально следующее: «Умоляю вас, не расходитесь, пока вы здесь – штурм не будет!»

Такие выступления удручали собравшихся, но анархию не провоцировали. Люди внутренним чутьём понимали: лучше плохой командир, чем никакой.

Власти города обнесли Белый дом по периметру спиралью Бруно (мерзкая коварная штука) и выставили караулы. У защитников появилось новое дело: искать в оцеплении прорехи и доставлять на баррикады еду и воду.

Ото дня ко дню напряжение нарастало. По Москве шли стихийные митинги. Милиция и приданные войска разгоняли собравшихся. Люди разбегались и на ходу договаривались о месте следующей встречи. Менты орудовали дубинками. Помню, я испытал шок, когда впервые увидел молоденького милиционерика с дубинкой в руке. «Это что, – подумал я, – для человека? Да как же он посмеет замахнуться?!» Так мораль дяди Стёпы уступала место новому отношению людей друг к другу, отношению, в котором перестала присутствовать обыкновенная (нормальная!) презумпция человеческой невинности.

По ночам при свете костров мы вели ожесточённые споры о праве гражданина и обязанностях власти перед собственным народом. А утром, выходя за спираль Бруно, под дубинками ОМОНа «стенографировали» сине-красным карандашом по собственному телу свободные диктанты на темы, сформулированные в ночной интеллектуальной хрипоте.

Часть 3. Игры в революцию закончились

Наступило 3-е октября, день рождения нашего с Мариной сына Ивана. Утром я вернулся домой после бессонной баррикадной ночи. Война войной, а девятилетний «юбилей» сына – вещь в семейном хозяйстве необходимая. Под вечер пришли гости, журналист Юра и музыковед Валя. Мы ещё сидели за праздничным столом, когда картинку на телеэкране сменили полосы, и зазвучало «Лебединое озеро», ставшее популярной заставкой ко всякой русской революции.

– Кажется, начинается! – сказал Юра и внимательно посмотрел на меня.

Надо было видеть испуганные глаза женщин. Бабым чутьём они почувствовали беду. Над всеми нами кружил, как ворон, простой вопрос: зачем было играть в революцию десять дней подряд, если сейчас, затаив страх, искать причину для того, чтобы остаться дома?

Помню глубокий умоляющий взгляд Марины «Останься!» и слова Вали, сказанные мне вслед: «Боря, береги Юру!»

Думаю, главное препятствие, которое из века в век мы преодолеваем в стремлении к счастливой жизни, – наше генетическое беспамятство. Почему немец бережно складывает в коробочку документальные свидетельства рода, а те, кто побогаче, создают галереи фамильных портретов? Почему юного Deutsche приучают смотреть на мировую историю через призму собственной родословной?

Мы же считаем себя вправе ради «высшей справедливости» предать родителей, какими бы плохими они нам ни казались. Для нас гвинейский негр порой становится ближе кровного брата. Помните, у Высоцкого – «наш гвинейский друг»? Почему мы позволили иудушке Троцкому увлечь нас в омут интернационализма? Выходит, одурманенные идеей всеобщего блага, мы способны на самоубийство!

Эта порча. Откуда она? Кто и когда подменил наши родословные ценности «общечеловеческими»? Помнится, великий русский святой, преподобный Серафим Саровский говорил: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Почему мы опять и опять не следуем святым распоряжениям?!

За примерами далеко ходить не надо. Предали русский язык, заговорили по-французски – получили Наполеона. Задумали совершить мировую революцию – получили собственную гражданскую войну. Запamятовали свои имперские обязанности – выставили Родину на посмешище и поругание.

Разве не достаточно?

Часть 4. Ночь перед безумием

Белый дом был окружён со всех сторон баррикадами. Сейчас, зная, как хрустели под гусеницами современных БТРов старенькие кровати, перила ограждений, какие-то баки и прочее, в пору удивиться: на что рассчитывали защитники московской «Парижки», перевязывая проволокой «элементы укреплений», добытые в соседних дворах? Я вам отвечу и ещё раз повторюсь – люди готовились к бою.

Но к бою не с гусеницами бронемашин, а с ОМОНОм, вооружённым дубинками и слезоточивым газом. Против транспорта и поливальных машин варили коктейль Молотова. Где-то раздобыли и раздали металлические щиты. Всем женщинам было приказано: «Как только начнётся штурм, бежать в Белый дом». То, что ЭТО вот-вот начнётся, уже понимали – накануне власть смотала спираль Бруно и отвела караулы. Все препятствия перед ошетинившимися баррикадами были сняты.

Повзводно «высшие» командиры ополчения распределяли добровольцев на дежурство. Нам с Юрой досталась баррикада на Горбатом мостике.

Стемнело. В первом часу ночи стали поступать машины с ранеными из Останкино. Это произвело шок. Каждый втайне надеялся, что власть не переступит брутальную черту крови. Все посторонние звуки смолкли. Над баррикадами тишину нарушали только крики раненых, короткие команды и... гул окружающего города. Город, как ни в чём не бывало, спешил по своим делам, пьянствовал в кабаках, сопел и щупал женщин в темноте наступающей ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.